

Невеста к рождеству

Автор:

[Кэрол Аренс](#)

Невеста к рождеству

Кэрол Аренс

Исторический роман – Harlequin #121

Леди Фелиция Пенниджонс, рослая, рыжеволосая девушка с зелеными глазами, считала себя некрасивой и давно уже смирилась с мыслью о том, что останется старой девой. Обладая жизнелюбивым и романтичным характером, она смогла убедить себя в том, что жизнь женщины может быть вполне сносной и без мужа. Однако судьба распорядилась иначе, Фелиция станет женой виконта Скарсфелда, конечно, если решится на этот шаг. Она решилась, на то есть причины, хотя ей известно, что виконт мрачен и нелюдим. Но кто знает, может, Фелиции удастся растопить его сердце и самой обрести счастье...

Кэрол Аренс

Невеста к Рождеству

Роман

Carol Arens

The Viscount's Yuletide Bride

A Novel

* * *

Все права на издание защищены, включая право воспроизведения полностью или частично в любой форме.

Это издание опубликовано с разрешения Harlequin Books S. A.

Товарные знаки Harlequin и Diamond принадлежат Harlequin Enterprises limited или его корпоративным аффилированным членам и могут быть использованы только на основании сублицензионного соглашения.

Эта книга является художественным произведением.

Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав.

Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

The Viscount's Yuletide Bride

Copyright © 2020 by Carol Arens

«Невеста к Рождеству»

© «Центрполиграф», 2022

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2022

Глава 1

Поместье Скарсфелд – 15 ноября 1889 г.

Письмо обожгло руки Исайи Эльфалета Максвела, словно было куском льда или, скорее, языком пламени.

Он смотрел сквозь стекло оранжереи на резвящуюся на берегу озера Уиндермир сродную сестру, и его сердце сжалось. Тем временем Абигейл подпрыгнула, закружилась и сделала реверанс своей кошке Элоизе. Невозможно было не улыбнуться, видя сестру такой живой и веселой; он не смог удержаться, даже сжимая в дрожащей руке проклятое письмо. Восьмилетняя леди Абигейл Элизабет Тернер была единственным светлым пятном в огромном мрачном доме. Пожалуй, и во всей его жизни. И принадлежала ему – по крови и по праву.

Жизнь Исайи изменилась той дождливой ночью, когда в гостиную следом за взволнованным дворецким, державшим на руках орущий сверток, торопливо вошел озабоченный молодой человек, как оказалось, адвокат отчима.

С той поры Исайя Эльфалет Максвел, сродный брат Абигейл, стал малышке еще и заботливым, нежным отцом. Вот уже восемь лет Исайя занимался воспитанием сестры, он единственный заботился о ней, думал о ее будущем и любил всем сердцем. В год ее рождения ему было лишь двадцать два, но Исайя был предан малышке больше, чем иной настоящий отец.

Исайя прошел к камину, бросил в огонь письмо и вернулся к окну. Внезапно поднявшийся вихрь срывал с верхушек деревьев последние увядшие листья и разбрасывал по земле. Абигейл, похоже, совсем не смущали холодные порывы ветра. Она вприпрыжку принялась гоняться за убегающей листвой и при этом весело смеялась. Пятнистая кошка крутилась у ее ног, пытаясь ухватить лапой кружевной край нижней юбки.

Старший брат решил, что сестре пора вернуться в дом. Его беспокоила большая высохшая ветка на дереве: едва ли она обломится, упадет и ранит девочку, но и такой вариант нельзя было исключать. Опыт научил его, что бдительность не может быть излишней, если дело касается безопасности ребенка. Хорошим уроком стал случай, когда однажды в холодную зимнюю ночь дверь дома

оставили незапертой. Кроме того, со своего наблюдательного пункта Исайя видел, как замерзла в своем пальто няня, как она притопывает ногами в тщетной попытке согреться.

Исайя вышел на террасу и, несмотря на холод, постоял, оглядывая озеро. Значительных размеров в длину и ширину, оно походило на разложенный на земле огромный шелковый платок холодного голубого цвета. С одной его стороны возвышался берег с пологим склоном к кромке воды.

Ветер трепал лацканы пиджака Исайи, он поспешно поднял руку и помахал сестре, надеясь привлечь ее внимание. Откровенно говоря, он не любил это время года и надеялся, что в ближайшие дни не выпадет снег. Всем будет лучше, если осень и большая часть зимы пройдут без него.

Увидев, что он машет ей, призывая вернуться, Абигейл подхватила кошку и понеслась вверх по каменным ступеням. Задышавшись, она встала рядом и обняла брата, прижавшись щекой к груди в том месте, где билось его сердце.

– Скоро пойдет снег, Исайя? – Она подпрыгнула от нетерпения. Кошка ловко вывернулась, спрыгнула на пол и скрылась за дверью оранжереи.

Похоже, отсутствие снега радует всех, кроме его младшей сестры. Он проводил взглядом сгорбившуюся няню, проследовавшую за кошкой.

– Если и начнется снегопад, мы хотя бы переждем его в тепле дома, как все нормальные люди, – бормотала на ходу женщина.

Мисс Ширлс всегда высказывала свое мнение, не обращая внимания на присутствие лорда и его титул виконта Скарсфелда – девятого, между прочим.

В ту ночь, когда появилась Абигейл, ее вызвали из кухни. Она пришла с бутылочкой теплого молока и взяла плачущего ребенка на руки, а затем, еще до того, как опустела бутылочка, объявила себя няней малышки. Исайя не возражал, ведь другой кандидатуры у него не было.

Как оказалось, перевод из кухни в детскую был полезен и для него самого, и для мисс Ширлс. С той поры она ежедневно отдавала всю себя Абигейл. Он был рад

этому, а на ее фамильярные высказывания просто не обращал внимания. Несмотря на статус прислуги, няня, скорее, была для них членом семьи. Весьма небольшой семьи – только он и сестра. Так что, если мисс Ширлс решила и себя к ней причислить, он ничего не имел против.

– Так хочется поскорее увидеть снег! Я бы слепила полдюжины снеговиков и кошек. Ты ведь мне поможешь, Исайя?

Он поцеловал ее светлые волосы, открывшиеся благодаря сползшему с головы капору. От локонов малышки исходил аромат морозной свежести. Есть ли запах у счастья? Если есть, то он именно такой, как тот, что вдохнул сейчас молодой хозяин поместья Скарсфелд.

Ничего важнее счастья маленькой Абигейл не было для Исайи Эльфалета Максвелла, девятого лорда Скарсфелда. Он сделал для этого все возможное, и прежде всего защитил девочку от одиночества, от которого сам страдал в детстве. Пока он жив, сестра будет каждый день убеждаться, что ее любят, ею дорожат.

Несмотря на то что письмо от брата покойного отчима предано огню, каждое слово из него заставляет пальцы гореть.

Текст письма не давал покоя Исайе, хотя он изо всех сил старался выкинуть его из головы.

Приветствую, лорд Скарсфелд.

Мы с супругой надеемся, что Вы пребываете в добром здравии. Приближается Рождество – праздник, который мы намереваемся отметить с Вами и нашей дорогой племянницей Абигейл.

«Дорогой племянницей Абигейл», которую они в глаза не видели.

Примите нашу благодарность за взятые на себя обязанности по воспитанию юной леди. Мы чрезвычайно признательны Вам за это.

Будто им просто нужно чувствовать себя за что-то благодарными.

Пришло время нам с супругой снять с Вас это бремя забот.

Абигейл никогда не была и не будет для него бременем, которое нужно снять.

Проживание Абигейл в Пенфилде, как и ее скорейший переезд, кажется разумным, своевременным и желанным, ведь моя драгоценная Диана еще не подарила мне дитя.

Уверен, мы с Вами легко достигнем соглашения.

С нетерпением жду дня нашей встречи пятнадцатого декабря.

С наилучшими пожеланиями,

Пенфилд.

Почему Пенфилд принял решение именно сейчас? За все восемь лет они ни разу не навестили Абигейл, не пригласили ее к себе. Редкие письма – все, что она получила от графа и графини Пенфилд. На ум приходит мысль, что они отчаялись произвести на свет ребенка, поэтому нацелились заполучить племянницу. Возможно, решили, что Лондон предоставит девочке возможности, которых у нее нет в этом тихом уголке.

– Ты выглядишь мрачным, как небо перед грозой. – Тонкие брови Абигейл сошлись на переносице. – Неудивительно, что люди считают тебя злым и скучным.

– Вот как! Кто же так думает?

– Почти все. Тебе надо чаще улыбаться, чтобы люди не говорили, что ты суровый.

– Суровый?

– Да, и хмурый.

– Хмурый? – Ему тридцать лет, впереди десятилетия до того возраста, когда мужчина может стать хмурым. – Ты считаешь меня хмурым? – Гос поди, пусть это будет не так.

– Нет, ты не хмурый. Ты можешь быть очень веселым, если захочешь, и ты самый добродушный человек на свете. Хотя никому это не показываешь.

– Зачем мне это показывать?

– Я бы и сама хотела узнать.

– Мне иногда кажется, что ты старше своих восьми лет.

– А ты ворчливее, чем на самом деле.

Он знал о своей репутации человека мрачного и угрюмого, слышал, как об этом шептались за его спиной. Люди не искали его общества без необходимости, и это радовало, поскольку он старался избегать балов и приемов, где видел лишь фальшивые улыбки юных леди и их матушек, соперничавших меж собой за его внимание, а точнее, за возможность пристроить за него свою дочку, которая получит его титул. В моменты, когда он вынужден был присутствовать на подобных мероприятиях, угрюмое выражение лица давало ему своего рода защиту, служило буфером между ним и окружающим миром. Отстраненность и погруженность в себя отдаляли его от общества. Впрочем, об этом он совсем не тревожился. Он был доволен существующим положением, все в жизни было спокойно, упорядоченно, предсказуемо, и ему это нравилось.

– Что бы ты сделала на моем месте? Как бы постаралась убедить людей в том, что я не угрюмый ворчун?

– Разумеется, чаще улыбалась бы. Может, даже громко смеялась. И непременно поставила в Рождество нарядную елку в гостиной.

Елку в Рождество? В последний раз он наряжал елку в детстве, даже для любимой Абигейл не смог себя преодолеть.

– Я и не предполагал, что ты хочешь елку.

– Все хотят елку, разве ты не знаешь? Ленты на лестничных перилах, банты на каминной полке – все это создает волшебное праздничное настроение. Мне, конечно, нравится святочное полено, но ведь я уже большая и заслужила целое дерево.

– Ты в первый раз говоришь об этом.

– И не в последний. Я видела наряженные елки в городе, они такие красивые. Еще в книгах пишут, что люди поют гимны и едят драже. Что подумает о нас рождественский дед? Крайне неуважительно приглашать его в дом, где нет нарядной елки.

Возможно, уже пора побороть боль, связанную с елками. Никто не виноват в том, что отчим его был чудовищем, а мать выбрала мужа, оттолкнув маленького сына. Все это было так давно, пора изменить свое отношение к символу Рождества, но Исайя не находил в себе сил. Он готов подарить младшей сестре все, что та пожелает, только не елку, давно ставшую для него символом большого горя.

– Ты бы хотела жить в другом месте, Абигейл? Там, где могла бы позволить себе больше радостей? – Разумеется, она слишком мала, чтобы делать выбор, но спросить необходимо, учитывая полученное от дяди письмо.

Исайя взял в руку маленькую ладошку и повел сестру в оранжерею. Она старалась держаться ближе к нему и хранила молчание, что было удивительно.

Закрыв дверь, он расстегнул и снял с нее пальто.

– Ты хочешь меня отослать? – Ее голос был тихим и чуть дрожал.

– Нет же, ни за что. Как ты могла подумать?

– Некоторых девочек отсылают. Они уезжают в закрытые школы, чтобы стать настоящими леди. Ты поэтому еще не нанял гувернантку?

– Абигейл, я никогда не отправлю тебя куда-то против твоей воли. Даю слово.

Широкая улыбка продемонстрировала пустующее место недавно выпавшего зуба. В глазах вспыхнули привычные голубые искорки. У Исаяи перехватило дыхание, казалось, перед ним возник призрак их матери. Он отчетливо видел ее юное лицо на портрете, тогда она была еще маленькой девочкой, а не женой Палмера Тернера, пятого графа Пенфилда.

– Признаюсь, ты взрослеешь проворнее, чем твоя кошка ловит мышек. Становишься выше час за часом. Нам непременно понадобится воспитательница, которая поможет тебе стать леди. Это сложнее и важнее, чем ты можешь представить.

– И она будет жить с нами? – Сестра посмотрела на него неожиданно серьезно. – Гувернантка или учительница?

– Я бы предпочел родственницу женского пола.

– Но у нас есть только леди Пенфилд, а она ни за что не уедет из поместья.

– Мне надо жениться. Давно уже пора. – Исаяя заметил, что при этих словах сестра горестно поджала губы. – Что ты об этом думаешь?

Скоро в доме появятся граф и графиня Пенфилд. Супруга лорду Максвелу просто необходима. Возможно, тогда родственники откажутся от идеи забрать Абигейл. Если дело дойдет до суда, он точно проиграет. У женатого графа больше преимуществ в глазах судей, чем у холостого виконта.

– Я много о чем думаю, но также понимаю, что должна встретить твою жену улыбкой, иначе она не будет здесь счастлива.

– Мне бы хотелось знать, сделает ли это счастливым тебя?

– Думаю, это все равно что обрести мать или сестру. Думаю, да, сделает. И... ты ведь не будешь любить меня меньше из-за того, что будешь любить ее?

– Ничто и никто в этом мире не сможет изменить мое отношение к тебе. К тому же любить супругу совсем не обязательно. Существуют вполне счастливые браки, основанные на дружбе и взаимопонимании.

– Если бы ты в это верил, давно был бы женат.

Исайя подумал, что, если бы их мать была счастлива во втором замужестве, его мнение об институте брака могло быть лучше.

– Бог мой, Абигейл, тебе точно всего восемь?

– Я восьмилетняя девочка, и это главное. Будь я мальчиком, думала бы только о том, как лазить по деревьям и бегать сломя голову. Ты видел сына конюха?

– Я бесконечно признателен судьбе, что у меня сестра. Но скажи, я получил твое одобрение?

– Получил. Но я возьму его обратно, если твоя дама не будет любить кошек.

Лондон – начало декабря 1889 г.

Фелиция принялась срезать ветки, ведь ничто не указывало на скорый снегопад. Маловероятно, что пойдет дождь, ведь облака на небе похожи на небольшие светлые клубочки. Погода напоминает весеннюю – в саду Кливертон-Хаус поют птицы и до сих пор не вянут цветы. Этого было достаточно, чтобы заставить сентиментально прослезиться ту, которая решила срезать несколько веток падуба. В Рождество дом должен выглядеть красиво и нарядно.

Потянувшись ножницами к ветке, Фелиция невольно отметила, как она свежа и прекрасна, но сразу же в голову пришла мысль, что сезон холодов все же неотвратимо наступает. Пальцы замерзли, нос и щеки покраснели. К счастью, Фелиция предусмотрительно приготовила для себя чашку какао и теперь с удовольствием вдыхала чудесный аромат.

Хочется надеяться, что ни дождь, ни снег не помешают ей нарезать достаточно веток вечнозеленого растения. Рождество наступит вне зависимости от того, суждено ли ему быть белоснежным и холодным или пасмурным и теплым. Погода не имеет существенного значения, все равно этот праздник – самое чудесное время в году.

Сестры Корнелия и Джинни ворчали, что еще рано украшать дом. Ну и пусть, а для нее, Фелиции Мэри, самое время.

Имена имеют большое значение. Покойная матушка тоже считала, что они нужны не только чтобы окликать людей. Поэтому никто не даст ребенку имя Вельзевул или Иезавель. Удивительно, но мысли о матушке заставляли Фелицию улыбаться и печалиться одновременно. Снова и снова она убеждалась, что ее теория имен верна. По крайней мере, в случае с ней, Фелицией. Она всегда и во всем видела лучшее, светлое, как и следовало, если верить толкованию имени. Мама часто повторяла ей, что Фелиция означает «счастливое время». Рождество тоже самое счастливое время в году, поэтому она может готовиться к нему заранее.

Корнелии легко простить недовольство, ведь у нее много других дел, помимо подготовки к празднику: она недавно нашла очень выгодную партию и обручилась с молодым графом. Матушка и отец наверняка смотрят с небес на своих детей и гордятся старшей дочерью.

Возможно, Джинни пожелает выйти в сад и присоединиться к сестре. Ну, как только отложит журнал и наденет очки.

Впрочем, и без них она видела прекрасно. Фелиция знала, что сестра, младше ее лишь на год, надевала их с целью удержать на расстоянии многочисленных поклонников. Джинни была необыкновенной красавицей с золотистыми локонами и глазами цвета лаванды, она походила на нежный колокольчик на лугу и пользовалась большим спросом у женихов. Что совершенно ей не нравилось. Сестра была застенчивой и робкой, временами походила на новорожденного олененка.

Питер беседует в кабинете с адвокатом, поэтому бедняга Джинни не спустится вниз, не надев массивные очки в черной оправе. Ведь, как и многие другие молодые люди их круга, он безнадежно в нее влюблен.

Матушка с отцом на небесах, вероятно, несказанно рады, что назвали дочь Вирджинией, и уверены, что она не будет бросаться в объятия каждого джентльмена, желающего заполучить ее сладкими речами и лестью.

Родителям не стоит беспокоиться и за Фелицию. Она не была ни красивой, ни утонченной. К тому же значительно возвышалась над сестрами. И до сих пор не вскружила голову ни одному мужчине, насколько было известно семье. Редкие женихи все же удостаивали ее своим вниманием, но их больше интересовал титул отца и возможности, которые он предоставлял. Как правило, через две четверти часа Фелиция уже равнодушно смотрела на ухажера сверху вниз, он же, соответственно, снизу вверх, и этого было достаточно, чтобы молодой человек ретировался и отправлялся на поиски более привлекательной леди. Чрезмерно высокая, рыжеволосая девушка с зелеными глазами никого не пленила. После трех сезонов Фелиция так и не получила предложения руки и сердца и вынуждена была признать, что стала залежалым товаром, а через год и вовсе покроется толстым слоем пыли. Нет, это ее не пугало, во всяком случае, не очень. Жизнь женщины может быть вполне удовлетворительной и без мужа, который вдруг вздумает диктовать ей, когда стоит начинать готовиться к Рождеству. Она живет в Кливертон-Хаус с сестрами и кузеном, который унаследовал титул после кончины отца сестер, и вполне всем довольна. О том, что будет после того, как сестры выйдут замуж, а тридцатилетний кузен наконец женится, Фелиция старалась не думать, но понимала, что тогда все изменится. Унизительно будет зависеть от кузена и его супруги, надеяться на ее милость даже в мелочах.

– Леди Кливертон, я бы хотела купить новую шляпку, надеюсь, вас это не очень раздосадует, – пробормотала под нос Фелиция, с ужасом представляя, что настанет день, когда ей придется произнести нечто подобное. Сейчас же, слава богу, она двоюродная сестра виконта Кливертона и в значительной степени вольна поступать, как пожелает.

Например, никто не мог запретить ей украсить гостиную в самый первый день декабря. Родные сочли ее действия преждевременными, но никто не возразил, когда она укладывала ветви падуба на каминную полку и завязывала красные ленты на перилах. А вот муж мог бы наложить запрет и очень расстроить этим жену. Ведь не все мужчины, как известно, с воодушевлением ждут Рождество. Фелиция пришла к выводу, что уж лучше остаться старой девой, чем связать свою жизнь с угрюмым человеком.

Вот и сейчас она спокойно срезала зеленые ветки, не рискуя навлечь гнев раздраженного супруга. И в свое удовольствие напевала песенку:

Я видел три корабля утром в Рождество, утром в Рождество.

Я видел три корабля днем в Рождество.

Как приятно петь! Немногое в жизни Фелиция любила больше.

Она приподнялась на цыпочки, чтобы срезать ветку, до которой сестры не смогут дотянуться. Даже Питеру пришлось бы встать на мыски, чтобы ее достать.

– И что было на тех кораблях, что появились на Рождество, на Рождество? – спросил Питер.

– Визжащие кошки.

Голос кузена прозвучал так неожиданно, что она едва не выронила садовые ножницы.

– Вот, возьми. – Она протянула ему только что срезанную ветку.

Он часто подшучивал над ее вокальными способностями. Фелиция не обижалась на то, что было очевидным: она очень любила петь, но не имела ни слуха, ни голоса.

– Ты понимаешь, что к Рождеству они засохнут?

– Тогда я срежу новые.

Кузен Питер стал им настоящим братом. После смерти тети и дяди Фелиции он переехал в Кливертон-Хаус, поэтому они выросли вместе. Отец не скрывал радости, что такой замечательный наследник титула живет с ними под одной крышей. Фелиция подозревала, что родители любили Питера не меньше своих детей.

Любовь всегда витала в воздухе Кливертона. Особенно она была ощутима перед Рождеством. Фелиция уже чувствовала: дом наполняется ароматами свежести и хвои.

– Приятное утро, Фелиция. Не желаешь посидеть со мной на солнышке?

Питер назвал утро приятным, но его лицо при этом оставалось хмурым.

– Чудесное утро, хотя в это время года я бы предпочла другую погоду.

Кузен откашлялся, поправил шейный платок и проводил взглядом Фелицию, устроившуюся на скамье рядом. Питер при этом выглядел так, будто только что сел на канцелярскую кнопку.

– Выбор – это то, что у нас бывает не всегда. Ты согласна?

Почему губы его поджаты? Почему не растянулись в улыбке от радости видеть ее?

– Да, разумеется, – согласилась она. – Бывают моменты, когда приходится справляться с трудностями, независимо от обстоятельств.

– Надеюсь, это для тебя не просто банальная фраза.

– Мне начинает казаться, что я действительно в это верю. – Она догадалась, что это не праздный разговор, который Питер решил затеять прекрасным утром.

Краем глаза Фелиция уловила движение, повернулась и увидела на крыльце Джинни. Лицо ее было кислым, она явно чем-то огорчена. Надо что-то делать. Похоже, стоит поторопиться с рождественским убранством. Вдохновляющая красота всем пойдет на пользу.

– Что ж, это замечательно. Фелиция, адвокат сообщил мне... новость.

– Надеюсь, хорошую?

Чтобы понять, достаточно было взглянуть на Джинни, сжимавшую в руке очки.

– Говори, пока я не напридумывала нечто ужасное.

Как, похоже, уже сделала Джинни.

– Виконту Скарсфелду нужна невеста.

Глава 2

Скарсфелду?

– Не может быть!

После всех прошедших лет!

– Я думала, он о нас давно забыл, – произнесла Корнелия.

От этих слов в душе Фелиции поднялась настоящая буря.

– Мы все пришли к выводу, что он не хочет заключать брак.

Джинни, прижав к груди сжатые в кулаки руки, торопливо сбегала вниз по каменным ступеням. Корнелия уже закрыла дверь и спешила следом.

– Он предельно ясно дал это понять, когда мы виделись в последний раз на балу леди Ньютон. – Старшая сестра тряхнула головой так, словно речь шла о пустячном событии, имевшем место не далее как на прошлой неделе. Однако бал леди давала три года назад, Фелиция и Джинни были тогда дебютантками.

– Возможно, он и сейчас не хочет, мужчины часто женятся без желания, – добавила Корнелия и отвернулась, задумавшись о чем-то.

– Питер, ты уверен, что он намерен просить руки одной из нас?

– Мне жаль, но это так. Виконт прислал с адвокатом письмо, найденное, по его же словам, в вещах миледи после кончины восемь лет назад. Письмо составляли обе матери – его и ваша. В нем они выражают волю, чтобы их «милый Исая однажды женился на одной из драгоценных девочек Пенниджонсов».

– Но он вовсе не милый! – воскликнула Джинни и нахмурилась от беспокойства. – Я хорошо помню тот бал, он ни разу не улыбнулся и не пригласил ни одну из нас на танец.

– Он мог быть не в себе по какой-то причине, – предположила Фелиция. Эта мысль показалась ей вполне здоровой.

– Мне кажется, ты слишком снисходительна к этому человеку, – укорила Корнелия. – Ведь он оскорбил, прежде всего, именно тебя.

– Я уже и забыла об этом. – Истинная правда. За всю жизнь ее игнорировали многие джентльмены, нельзя же помнить о каждом случае.

Да и стоит ли винить Исайю? Она тогда была краснеющей дебютанткой, а он – зрелым, опытным мужчиной. И подойти к нему она решилась по одной причине – мама всегда с теплотой отзывалась о нем и о его матери.

Подругу матушки Фелиция не помнила, зато помнит рассказы о том, как две девочки росли вместе, словно сестры. Нет необходимости читать письмо, Фелиция и без него верит, что матушка искренне желала выдать одну из своих дочерей за сына ее дорогой Джульетты Скарсфелд. До того как родители погибли десять лет назад в дорожной катастрофе, она часто слышала о заветной мечте матушки.

Но до настоящего момента дело не шло дальше разговоров.

Когда на балу ей показали лорда Скарсфелда, она долго смотрела на него во все глаза, помня сказанное мамой, воображая, как бы та радовалась, представляя ему своих девочек и планируя сватовство.

Да, виконт скользнул по ней взглядом и не задержался даже на мгновение, но это ничего, ей совсем не больно. Точно так же он поступил с Джинни, и от этого – удивительно – Фелиции стало немного легче.

– Вы же понимаете, что выраженную в этом письме волю необязательно исполнять, – продолжал Питер.

– Возможно, но ведь мама так этого хотела, – ответила Корнелия.

– Но ведь она не думала, что мы будем всерьез относиться к этому после стольких лет. – Джинни была так растерянна, что не смогла сдержать дрожь в голосе.

Корнелия вздохнула и пожала плечами, явно предлагая смириться. Конечно, ей нечего беспокоиться, она ведь обручена и недоступна для виконта.

– Брак, заключенный между представителями наших фамилий, как нельзя лучше дает возможность выразить уважение предкам.

Верно, но не слишком ли это радикальный способ?

– Печально знать, что мамина подруга скончалась. – Яркие синие глаза Корнелии потускнели. – Я помню, она часто бывала у нас в гостях с маленьким мальчиком. Правда, до того, как вновь вышла замуж.

– Не стоит удивляться, что ее сын вырос затворником. Он с детства был нелюдимым. – Последовал протяжный вздох, который Джинни даже не пыталась сдержать.

– Кого из моих сестер он желает заполучить, Питер? – поинтересовалась Корнелия, причем в глазах ее мелькнуло скорее любопытство, нежели тревога.

В саду стало неожиданно тихо, кажется, даже ветер замер в ожидании ответа.

О нет, это ведь не могла быть Джинни! Она слишком робкая для такого человека, как Скарсфелд, точнее, для такого, каким они его запомнили. Хотя, конечно, стеснительные и робкие девушки пользуются спросом на рынке невест

не меньшим, чем бойкие и кокетливые. Пожалуй, если виконт их помнит, вероятнее всего, выберет Джинни. Так сделал бы любой мужчина.

– Кого же он выбрал, Питер? – не сдержалась Фелиция. Напряженное молчание не может длиться так долго. Казалось, над ними завис меч, пусть уж он опустится скорее, и ожидание закончится.

«Молю, пусть это будет не Джинни», – твердила про себя Фелиция.

Джинни натура тонкая, она может не справиться с отчаянием.

– Видишь ли, он предоставил выбор нам, точнее... вам.

Он перевел взгляд с нее на Джинни.

– Мы не будем торопиться и непременно примем верное решение, – заявила Фелиция, взяла сестру за руку и крепко сжала. – Нет необходимости делать это сейчас.

Она была готова принять роль мученицы ради сестры, однако ее ноги отказывались слушаться.

Питер встал и прошелся по садовой дорожке, наткнулся на небольшой камень, с силой ударил по нему, и тот отлетел прямо в ствол дерева.

– К сожалению, – пробормотал он, не поднимая глаз, – времени у вас нет. Лорд Скарсфелд просит одну из вас скорее прибыть в Уиндермир.

Питер поднял голову. Теперь он смотрел только на Фелицию.

Конечно, все уже решили, что эта роль для нее. Даже она сама понимала, что это единственный шанс выйти замуж, и только потому, что лорду Скарсфелду все равно, кто станет его супругой. Важно лишь, чтобы она была Пенниджонс. Видимо, виконт, как и она сама, страстно желает исполнить волю покойной матери.

О, она почти физически ощущала, как мама взволнованно смотрит на нее сверху. Мама скончалась до первого сезона Фелиции, но, определенно, почувствовала – или как это там называется у мертвых, – что средняя дочь не сможет найти мужа.

Многие сочтут, что она должна благодарить Бога за возможность создать семью. Положение старой девы всегда унижительно, его надо стараться избежать любым способом. Фелиция убеждала себя, что пока ей это не грозит и у нее все в порядке.

Но ведь пройдет время, сестры и кузен найдут пары, у них родятся дети, станут бегать по дому и весело смеяться, а ей предстоит сидеть в кресле и вязать носки племянникам и племянницам. Воображение очень живо представило ей картину безрадостного будущего.

– Возможно, он не такой уж и страшный, – подала голос Джинни и неуверенно улыбнулась. – Я помню, мама рассказывала, каким он был милым ребенком, как учил тебя ходить, вы тогда много смеялись.

– Ну, разумеется! – Корнелия всплеснула руками. – Как я могла забыть! Мама говорила, что ты ходила за ним по пятам и начинала плакать, когда он выпускал твою руку.

Возможно, так и было, но какое это имеет отношение к происходящему?

Образ Исайи трехлетней давности уже стерся из ее памяти, не говоря уже о далеком детстве. И это мамины воспоминания, она их любила, дорожила ими. А Фелиция любила маму, и даже теперь, когда они существовали в разных мирах, разделенные границей между смертными и бессмертными, она хотела ее порадовать.

Да, маме было бы приятно, что дочь выполнила ее заветное желание, но причина не только в этом. Не только в маме, но и в Джинни. Фелиция точно знала, что сестра не будет счастлива рядом с таким человеком, как виконт Скарсфелд.

Она решительно встала и расправила складки на юбке.

– Хорошо. Я поеду к нему на север.

– Нет, я поеду. – Джинни храбро вскинула голову, готовая пожертвовать собой ради сестры. – Так будет правильно. Возможно, что у нас создалось о нем превратное впечатление, кроме того, он мог измениться за прошедшие годы.

Конечно, было бы справедливо позволить виконту выбрать между Джинни и Фелицией. И конечно, в таком случае он выберет Джинни. А Фелиция будет свободна от обязательств, но получит взамен чувство вины.

– Вот не думала, Джинни, что ты отберешь у меня единственную возможность выйти замуж. Ты красивая и получишь дюжину предложений, любое из которых сможешь принять, когда пожелаешь.

Питер открыл было рот, но Фелиция шикнула на него и сурово посмотрела.

– Прошу, дай мне шанс встретиться с лордом Скарсфелдом. Если он меня отвергнет, настанет твой черед. – Фелиция замолчала и задумалась. Он вполне может ее отвергнуть, ведь он не обратил на нее внимания на балу у леди Ньютон.

Впрочем, одно дело быть не замеченной на светском рауте и совсем другое – оказаться неугодной в роли невесты. Такое унижение будет сокрушительным.

– Он не отвергнет тебя, Фелиция, – мягко произнес Питер, словно прочитал ее мысли. – Мне дали понять, что жена нужна ему срочно. Если ты согласишься, то через пару недель станешь леди Скарсфелд.

«Я смогу, я выдержу», – твердила про себя Фелиция, а вслух произнесла:

– Это замечательно. Меня ждет увлекательное приключение.

Ложь принесла пользу: на личико Джинни вернулись краски. Возможно, в ее словах окажется хоть толика правды. Отношение человека к жизненной ситуации способно сделать ее как благом, так и проклятием.

Они не раз вместе с Корнелией попадали под дождь и поглядывали на затянутое тучами небо. Сестра ворчала и ругала отвратительную погоду, а Фелиция с наслаждением слушала, как капли отбивают ритм по ткани зонта.

Она справится и с этой ситуацией, сохранив на лице улыбку.

Исайя стоял в центре гостиной и, поворачиваясь по кругу, оглядывал комнату критическим взглядом. Какой она может показаться увидевшей ее впервые женщине, на которой он собирается жениться?

По его личной оценке, помещение было приветливым, несмотря на размеры. Деревянные панели на стенах отполированы до блеска. Камин такой огромный, что пламя его заливают светом и теплом всю комнату, на полу рядом лежит красный с золотом ковер. Все и величественно красиво, и в то же время уютно. Здесь прошло его детство. По широким перилам лестницы, что ведет на второй этаж, он весело скатывался, когда был ребенком. На просторной площадке с витражами в высоких окнах, сквозь которые пробивались лучи солнца и ложились на пол причудливым цветным ковром, он любил играть.

На одном из стекол заметная трещина. Она осталась с той поры, когда он, ребенком, решил, что будет неплохо пробить мечом дырку в окне, чтобы в дом могла залететь птица. Мама тогда взъерошила волосы на его голове и заверила, что беспокоиться не о чем, а через неделю купила двух волнистых попугайчиков. Окно решили не ремонтировать, сочли, что дефект стал интересной и памятной особенностью.

Исайя закусил губу и покачал головой. О том времени лучше не думать, ведь сладостные воспоминания неотвратимо сменяются горькими.

Дом стал мрачным и скучным, словно перенял привычки хозяина. Только ради Абигейл всегда поддерживался огонь в камине, и в нем весело плясали языки пламени, стены украшали великолепные картины, а в вазах по всему особняку стояли цветы или заменявшие их в это время года хвойные ветки. Он делал и сделает все, чтобы сестра понимала, как она любима и дорога ему. Именно ради нее, ради возможности и дальше заботиться о ней, не отпускать от себя, он готов жениться на почти незнакомой женщине. Прошло уже десять дней с момента получения письма от лорда Кливертона, в котором он сообщал, что

одна из сестер готова исполнить волю матери и выйти за него. Обстоятельства вынуждают отказаться от соблюдения некоторых традиций и пышных торжеств по случаю венчания. Интересно, как к этому отнесется мисс Пенниджонс? Поймет, что им нечего праздновать, их соединила не любовь и даже не дружба? Он испытывал к ней чувство благодарности. Он понятия не имел, как она выглядит, не мог ценить ее за красоту или, например, остроту ума. Будущая супруга может оказаться скучной или, напротив, очаровательной и прелестной. О девочке, с которой он играл, у него остались смутные и обрывочные воспоминания из детства: он сжимает в руке крошечную ладошку, малышка ползает за ним, стараясь догнать, и громко плачет, если отстает. Теперь известно, что ее имя Фелиция. Он, разумеется, понятия не имел, как зовут всех сестер Пенниджонс, но, к счастью, они были указаны в письме, которое он нашел среди вещей матушки.

Сейчас для него имеет значение лишь согласие мисс Фелиции, хотя остается только гадать, отчего она так поступила. Эта девушка стремится выйти замуж так же отчаянно, как и он? Что ж, остается радоваться, каковы бы ни были ее мотивы. Отсутствие супруги могло бы дать лорду Пенфилду весомое преимущество в стремлении отобрать Абигейл. Теперь оно утрачено, к приезду графа он уже будет женат. Если же они хотели заполучить сестру лишь потому, что не имеют своих детей, теперь решать проблему придется иным способом, он им помочь не сможет.

Черт возьми! Ведь сестра счастлива здесь, и он не позволит, чтобы ее увезли из родного дома, как когда-то его самого.

Исайя совершенно не желал вступать в брак, но готов был пойти на все, что позволит оставить Абигейл рядом с ним.

Было бы правильно поехать в Лондон и сделать предложение мисс Пенниджонс, но на это нет времени. Он бы желал иметь его больше, ведь к приезду графа и графини между ним и молодой женой должно установиться полное взаимопонимание. Исайя боялся, что новая леди Скарсфелд не успеет освоиться в доме, а ведь они еще должны привыкнуть друг к другу и создать видимость благополучной семьи. Но где она устроится? Не в его же покоях? Одно дело жениться на женщине, и совсем другое – вступить с ней в близкие отношения. Возможно, позже, когда они узнают друг друга...

– Вы сегодня кажетесь мрачнее обычного, милорд, – заметила, проходя мимо со стопкой книг, няня Абигейл, мисс Ширлс. Должно быть, несла их в комнату девочки. Женщина остановилась и оглядела его с ног до головы. – Несомненно, это связано с решением взять в жены незнакомку.

К счастью, она пробормотала последнюю фразу себе под нос, понимая, что ей прощается то, что едва ли допустимо для остальных слуг.

– К тому же я не знаю, что с ней делать.

– О, милорд! – Няня подмигнула ему, даже не покраснев.

– Я имел в виду, где ее поселить. – Исайя покраснел сам, что странно для человека, имевшего репутацию самого сурового и хмурого джентльмена в Уиндермире и его окрестностях.

– Если не думаете о наследнике, я предлагаю бывшую комнату вашей матушки.

Няня кивнула и пошла дальше.

Что ж, вполне разумно отдать мисс Пенниджонс покои матери, ведь скоро она станет виконтессой Скарсфелд. Так тому и быть.

Исайя поднялся по лестнице на третий этаж и остановился у двери. Он не заходил в комнаты уже довольно давно. Разумеется, слуги поддерживали их в чистоте и порядке, но ведь они не испытывают те чувства, которые наверняка обрушатся на него, стоит переступить порог. Дело не только в кончине хозяйки, хотя он по-настоящему горевал и оплакивал мать, а больше в том, что в этих стенах он всегда испытывал радость, а потом все внезапно оборвалось. Было время, когда мама была его миром. А он ее.

Исайя осторожно открыл дверь. Все изменилось и уже не было таким, как в его восемь лет. Мамины вещи давно убрали, потому что он не желал превращать ее покои в музей.

И все же ее присутствие отчетливо ощущалось. Он видел, как она стоит в дверях детской и улыбается, а потом внезапно на глазах появляются слезы, слышатся

всхлипы. Но вот она замолкает, взгляд становится пустым и отстраненным.

Расстояние между ними хуже плача и тишины. В тот последний день, в канун Рождества, она так же стояла в дверном проеме его комнаты, на том же месте, что и он сейчас в ее покоях, смотрела на сына и молчала, ее лицо не выражало ничего, никаких эмоций. Будто он был для нее никем, незнакомым ребенком.

Возможно, появление в доме новой леди Скарсфелд пойдет всем на пользу, ведь хуже быть уже все равно не может.

В Фелиции Пенниджонс его волновало лишь одно – поладит ли она с Абигейл.

«Очень важно, чтобы ей это удалось», – подумал Исайя, закрывая дверь и поворачиваясь спиной к комнате с обитавшими там призраками. Он надеялся, что лорд и леди Пенфилд хорошо подумают, прежде чем рискнут разрушить счастливую семью. Впрочем, вполне возможно, что Фелиция и Абигейл не полюбят друг друга, тогда у графа и графини будет козырь.

Стоя в темном коридоре, Исайя вспомнил данный сестрой совет – почаще улыбаться. Что ж, надо ему последовать. Исайя растянул губы, чувствуя, как приподнялись щеки, и подумал, стоит ли открывать зубы или нет. Обнажив зубы, он попытался представить, как выглядит.

Внезапно отворилась дверь в конце коридора и появилась мисс Ширлс с кипой книг.

– Вы решили напасть на меня, милорд?

Вот и ответ. Зубы лучше не показывать. Для интеграции в общество так будет лучше.

Сестры просили позволить сопровождать их с Питером в Скарсфелд, но Фелиция отказала. Она чувствовала, что желание их не так велико, они лишь испытывают неловкость из-за того, что ей придется пережить процедуру знакомства с мистером Мрачность без поддержки. Так они стали называть его – мистер Мрачность. А иногда лорд Угрюмый.

Фелиции казалось это несправедливым, ведь все три сестры ни разу не говорили с этим человеком. Несмотря на то, что им известно, у него может быть совсем неплохой характер. Они и видели его взрослым только однажды, нельзя исключить, что в тот день у него были причины пребывать в плохом настроении.

Фелиция разглядывала в окно поезда пастбища с пасущимися стадами коров и овец, красивые дома, окруженные садами, и размышляла о своей участи.

Она посмотрела на Питера, сидевшего напротив на диване, обитом малиновым бархатом, и ощутила, как сильно нервничает. Все в ней дрожит, будто внутри ее поселился и жужжит целый рой пчел.

До станции Уиндермир оставалось всего десять минут, а кузен более чем спокоен. Его голова опущена на грудь, даже слышалось тихое посапывание.

Если бы она могла быть такой спокойной. Впрочем, удивляться нечему, ведь на следующей неделе кузен вернется домой, в свою привычную жизнь.

Содрогнувшись, Фелиция напомнила себе, что и у нее вскоре начнется своя жизнь. Неизвестно, какой она будет, но ничего не остается, как принять ее, ведь нельзя же подвести семью и проигнорировать волю матушки. И позволить Джинни оказаться на ее месте. А больше всего она не желает превратиться в старую деву, воркующую с чужими детьми, не имея своих.

Когда-то Фелиция наивно полагала, что сможет принять такую судьбу, но сейчас, получив возможность выбора пути, задалась вопросом, не была ли причиной ее смирения безысходность. Так она по привычке старалась найти положительные черты в любой ситуации.

Возможно, и сейчас невольно поступает так же. Осознавая неотвратимость, пытается думать только о лучшем, что может быть для нее в этом браке. Вероятно, она одна из тех людей, которые приспосабливаются к любой ситуации. Возможно ли, что подобная тактика не лучшая в ее положении?

Что ж, по крайней мере, по слухам, Уиндермир – чрезвычайно красивое место. Хотя сейчас картина за окном поражала серостью и холодностью, Впрочем, это естественно для такого времени года. Фелиция коснулась пальцами стекла, оказавшегося тоже ледяным.

Питер желал незамедлительно отправиться в Скарсфелд, как только они сойдут с поезда. Фелиция же хотела остаться на одну ночь в городе, на чем и настаивала. Нельзя бросать аквариумную рыбку в новую воду сразу и ожидать, что она легко приспособится, необходимо дать время адаптироваться.

Она намеревалась посвятить это время себе, проехаться по Уиндермиру, привыкнуть к новым улицам, звукам, людям. И только потом отправляться в поместье, расположенное, как говорят, всего в нескольких милях к северу от городка. А еще она слышала, что в тех местах снег нередко покрывает землю к Рождеству.

Питер продолжал похрапывать, а Фелиция принялась думать о Скарсфелде. Любопытно, что это за место? Приятное или мрачное? Дом уже начали украшать к Рождеству? Скорее всего, нет. Если лорд Скарсфелд действительно человек замкнутый, он едва ли озаботится подобными вещами. В глубине души она надеялась, что он не такой, каким его считают. Украшение особняка к празднику позволит ей сблизиться с будущим мужем, ощутить начало новой жизни с ее новым смыслом.

Да! Именно! Смысл жизни в том, что ей нужно.

Лорд Скарсфелд не объяснил, в чем причина его желания столь спешно жениться, но Фелиция надеялась, что сыграет роль в чем-то важном. Таково ее предназначение в качестве леди Скарсфелд.

Фелиция верила: как бы ни сложилась ее дальнейшая жизнь, в ней будет больше смысла, чем в существовании старой девы, цель которого, по ее мнению, – стать для юных девиц примером того, как не следует поступать, и еще вязать носки пару за парой для племянников и племянниц.

Попутчики стали потягиваться и подниматься с места, готовясь к прибытию на вокзал. Раздался свисток, и Фелиция тронула Питера за плечо. Он заморгал и окинул ее сонным взглядом.

– Как думаешь, – произнесла она, натягивая пальто, – может, мой приезд сюда не случаен? Существует некий глубокий смысл?

Она застегнула пуговицы, надела шляпку и хорошо закрепила. Погода, кажется, стала очень ветреной.

– Разумеется, и тебе это известно. Ты выйдешь замуж и тем исполнишь волю матушки. И начнешь новую жизнь. – Питер встал, выглянул в окно и поспешил застегнуть пальто. – Погода похожа на разбушевавшегося зверя, – заключил он.

– Да, разумеется, все это ради мамы. И ты сказал о новой жизни... – Удивительно, но идея виделась ей привлекательной и отталкивающей одновременно. Душа трепетала в предвкушении чего-то неизвестного. – Мне кажется, во всем этом есть скрытый смысл, некая цель, которую я пока не вижу.

– Может, заставить медведя мурлыкать? Зная тебя, легко предположить, что с такой супругой даже лорд Скарсфелд повеселеет.

– Неизвестная цель – всегда загадка. Так что, все может быть. Но ведь нам неизвестно наверняка, что виконт человек угрюмый.

– Если он действительно угрюмый, то изменить его к лучшему способна только ты.

Возможно. Фелиция вспомнила, как виконта описывали сестры. Задача будет трудновыполнимой даже для человека с ее характером.

– Взгляни, Питер! – Фелиция подалась вперед и выглянула в окно. – Разве Уиндермир не прекрасен?

Она повернулась и увидела, что кузен нахмурился, а брови почти сошлись на переносице.

– Я молю Бога, чтобы ты обрела здесь счастье, Фелиция. Иначе я приеду и заберу тебя домой.

Она потянулась и чмокнула его в щеку, почти уверенная, что готова сейчас вернуться в Лондон. Почти готова, если говорить откровенно. Не меньше ей хотелось узнать, какой же будет жизнь виконтессы Скарсфелд. Все меняется так быстро, всего две недели назад она была уверена, что сердце ее вскоре

очерствеет, что она способна стать объектом лишь жалости, но не симпатии. Тогда как больше всего ей хотелось помогать людям.

– Позабочусь о том, чтобы наш багаж был доставлен в отель, – сказал Питер и помог кухне спуститься по ступенькам на перрон. Фелиции пора было привыкнуть, что ни в одном месте ее появление не останется незамеченным, с ее-то ростом почти шесть футов и огненно-рыжими волосами, такими яркими, что казалось, будто шляпа сейчас загорится.

Она не винила людей за любопытные взгляды, честно говоря, она и сама бы разглядывала такую девушку, если бы увидела на противоположной стороне улицы. Оставалось лишь гадать, какой будет первая реакция будущего супруга. Хорошо бы он не выглядел ошарашенным, а впрочем, это совсем не важно. Им все равно предстоит пожениться и дать друг другу клятвы.

– Интересно зачем, – пробормотала она задумчиво.

– Потому что не имею желания тащить чемоданы на себе.

– О нет, разумеется, нет. Скажи, Питер, мне интересно, зачем лорду Скарсфелду надо так срочно жениться? Не буду скрывать, я только об этом и думаю.

– Как и мы все. – Это было истинной правдой. В Кливертоне часами обсуждали возможные мотивы виконта. – Всегда помни, что я сказал. Если все сложится плохо, я заберу тебя домой.

– Спасибо. Мне будет легче просто знать, что ты готов это сделать. Нам известно, что виконт так же мил, как звезда на макушке рождественской елки.

«Скорее, как попавший в чулок кусочек угля», – прочитала она на лице Питера, но неожиданно он произнес:

– Ты видела его давно, возможно, в тот день он просто был в плохом настроении.

Фелиция знала, что кузен так не думает, но его слова придали ей уверенности, а ведь чем сильнее поддержка, тем легче сохранить на лице улыбку.

– Встретимся в отеле часа через полтора. – Она окинула взглядом красивое здание на дальнем берегу озера Уиндермир, окруженное рощицей голых деревьев. – В витрине того магазинчика я заметила хорошенькое платье. Надеюсь, портниха успеет подогнать его по моей фигуре к завтрашнему дню. Мне было бы легче пережить знакомство с виконтом в чем-то новом.

Кузен перевел взгляд на магазин одежды и кивнул.

– Этот оттенок зеленого тебе очень пойдет. Подходящий наряд к Рождеству.

Именно поэтому он и привлек внимание Фелиции. Платье было цвета хвои, а по вороту, подолу и рукавам шли ряды красных бусинок. Белоснежный широкий пояс дополнял образ и делал его поистине волшебным. Она будет похожа на мятный леденец.

Покупка платья заняла больше времени, чем она ожидала. Питер определенно уже начал беспокоиться.

Выйдя из магазина, Фелиция глубоко вдохнула холодный воздух. Из трубы на крыше гостиницы валил дым, смешиваясь с ароматами выпечки из соседнего кафе и хвойных деревьев неподалеку. Это не могло не заставить ее улыбнуться. Приподняв юбки, она решительно пошла к отелю через дорогу. Тревоги по поводу будущего стали казаться пустыми. Хочется верить, что благостный настрой удастся сохранить до самой встречи с Исайей Максвелом.

Внезапно внимание Фелиции привлек какой-то звук. Она остановилась, склонила голову и прислушалась. Кто-то плачет. Ребенок или совсем юная девушка. Такое нельзя игнорировать. Она опустила юбки и пошла на звук по дорожке между кафе и магазином одежды.

Бог мой, под деревом стояла заплаканная маленькая девочка. Похоже, это слезы не от страха, а от бессилия.

– Элоиза! – Девочка погрозила пальчиком в перчатке сидящей на ветке кошке. – Немедленно спускайся, иначе я уйду, и тебе придется самой искать дорогу домой!

Грозное предупреждение было произнесено с явным смятением в голосе.

– Здравствуйте, – тихо произнесла Фелиция, чтобы не испугать девочку и ее кошку. – Возможно, я могла бы ее достать.

– Ах, это было бы замечательно. – Девочка вытерла рукавом слезы. – Глупое животное выпрыгнуло из корзины, в которой я его несла, видите ли, решила погулять.

– Кошки это любят. У меня тоже есть такая дома, настоящая маленькая плутовка.

Фелиция подошла к дереву и подняла руки, однако кошка перебралась выше, туда, где достать ее было невозможно.

– Наверное, придется звать брата, чтобы он залез на дерево, – сокрушенно произнесла девочка и пожала плечами. Пушистые черные ресницы несколько раз опустились и взлетели вверх, тонкие пальчики проворно убрали под шляпку выбившуюся прядь цвета меда. – Ему не понравятся твои выходки, попомни мои слова, – обратилась она к занятой своим хвостом кошке и перевела взгляд на Фелицию. – Брат запретил мне брать ее с собой в город, а я не послушалась. И вот что случилось.

– Надеюсь, он не расстроится. – Фелиция незнакома с братом девочки, как, впрочем, и с ней самой, но хочется верить – мальчик не рассердится на сестру из-за того, что та не последовала его совету.

– Ему не понравится, что придется отвлекаться от дел и лезть на дерево. Мой брат умеет делать хмурое лицо.

– Тогда не будем его беспокоить. Я сама залезу на дерево.

– Но это невозможно! Вы же в юбке, можете запутаться. Это опасно и...

Фелиция решила, что именно поэтому забраться на дерево должна она, маленькие мальчики и на ровной земле умудряются попасть в неприятные истории.

– Со мной все будет в полном порядке, не стоит волноваться. – Фелиция огляделась с целью убедиться, что место скрыто от глаз прохожих, затем удовлетворенно кивнула, подхватила край юбки и заткнула за пояс. – Я когда-то здорово гоняла кошек по деревьям.

Конечно, это было много лет назад, интересно, насколько значительно все изменилось?

– А обувь? Вам лучше снять ботинки, если не хотите упасть.

– Разумеется, именно это я и собиралась сделать.

Расшнуровав дорожные сапожки, Фелиция сняла их и поставила ближе к стволу.

Последний раз она забиралась на дерево босиком, но в двенадцать лет еще допустимо ходить с украшенными ссадинами ногами, чего нельзя сказать о без пяти минут виконтессе.

В чулках можно поскользнуться на ветке, но она не видела способа этого избежать. Итак, Фелиция принялась карабкаться вверх, цепляясь за кору пальцами, работая ногами, упираясь коленями. Внезапно чулок порвался, и она порадовалась, что никто не стал свидетелем тому, как большой палец ноги дерзко вылез наружу. Все это не важно, ведь она почти добралась до кошки. Всего несколько секунд, и она схватит плутовку, спрячет в юбках и быстро вернется на землю. А там первым делом наденет сапожки.

Боже милостивый, как же замерзли ноги! Но все же не так сильно, как руки, – пальцы почти потеряли чувствительность.

Кошка сидела на ветке всего в футах от Фелиции и лениво помахивала хвостом.

Глава 3

Исайя положил бархатную коробочку с обручальным кольцом в карман и протолкнул до самого дна – так оно надежно спрятано.

Он не помнил, чтобы когда-то покупка чего-либо заставляла его так нервничать. Раньше, встретив предмет в магазине, он легко покупал то, что ему нравилось или могло понравиться тому, кому предназначено, но сложившаяся ситуация не вполне ординарная. Предполагается, что обручальное кольцо супруга будет носить всю жизнь, а он даже не представляет, что ей придется по вкусу.

Ювелир утверждал, что дамы просто обожают кольца с тонкой, будто выполненной иглой, гравировкой и россыпью некрупных бриллиантов. Жаль, что мистер Томпсон знает о Фелиции Мэри Пенниджонс не больше самого Исая. Возможно, Абигейл могла дать совет, но ее не было рядом.

Мистер Томпсон лишь бросил взгляд на высунувшуюся из корзины Элоизу и чихнул так громко, что задрожали стены. Глаза несчастного сразу покраснели и стали чесаться, поэтому Исайя поспешил отправить сестру на улицу, наказав идти в сторону магазина одежды – следующего места, запланированного для визита.

Свадьба назначена на послезавтра, и время очень дорого. Обидно, если придется потратить его впустую из-за кошки.

Исайя всегда ценил мнение сестры, несмотря на ее возраст. Недавно он пришел к выводу, что женщины, даже очень юные, уже тонко чувствуют веяния моды, совет по поводу кольца был бы ему очень кстати.

Он искренне хотел сделать все как можно лучше для своей невесты, ведь она заслуживает уважения.

Исайя пытался вспомнить, не видел ли ее на одном из балов? Вполне возможно, и теперь жалел, что обращал мало внимания на представленных дам, ведь он мог бы уже знать, кто станет его невестой.

Выйдя из ювелирной лавки, он невольно поежился. Похоже, снег выпадет довольно скоро. Не хотелось, чтобы для мисс Пенниджонс это стало проблемой.

Быстро преодолев расстояние, Исайя вошел в магазин одежды, но Абигейл там не было. На его вопрос хозяйка лишь с недоумением покачала головой. По всей видимости, сестра сюда не дошла, но что могло случиться? Он своими глазами

видел, как она перешла дорогу и направилась к дверям магазина.

Исайя выбежал из магазина и огляделся. Куда она могла подеваться? Его охватила тревога, по коже побежали мурашки. Он постарался убрать с лица взволнованное выражение, пока кто-нибудь не заметил, но, похоже, это удавалось плохо.

Где же Абигейл?

Она не могла заблудиться в Уиндермире, она знала здесь все улицы, переулки, а также магазины и кафе. Знала всех жителей, а они ее. Но девочке всего восемь, к тому же сейчас здесь много приезжих.

Очень некстати из отеля напротив вышел молодой мужчина с сосредоточенно-хмурым выражением лица. Впрочем, то, что он зашагал к магазину одежды, не обязательно должно быть связано с Абигейл, совсем неразумно так думать.

Исайя слишком опекал сестру и понимал это, но вести себя иначе не мог. На смертном одре матушка передала Абигейл ему, надеясь, что с ним она будет в безопасности, что он сможет позаботиться о ребенке должным образом.

Однажды он допустил оплошность, не заметив, как она выбежала на улицу в метель, и дал себе слово, что подобное не повторится. Как только он найдет сестру, непременно сурово, но с любовью и тактом поговорит с ней о дисциплине. Исайя думал о том, какие подобрать слова, когда услышал крик. Похоже, он доносится с заднего двора магазина одежды.

Это голос Абигейл!

Еще один громкий возглас, кажется, женский.

Сворачивая на бегу за угол, Исайя едва не упал, поскользнувшись в луже грязи.

Сначала он увидел Абигейл, стоявшую раскинув руки, будто она собиралась поймать женщину, которая висела на дереве, ухватившись за ветку руками. Даже на расстоянии было заметно, как скользят ее пальцы. Если женщина

упадет, то непременно получит травмы, а возможно, сестра тоже.

– В сторону! – закричал он и рванул вперед.

Абигейл отскочила как раз вовремя, чтобы не быть сбитой с ног.

– Прыгайте, мисс! Я вас поймаю!

Женщина пошевелила ступнями в чулках, чудом не ударила его по голове, хотя сбила шляпу. Затем она опустила голову и посмотрела вниз, позволяя разглядеть ее глаза самого красивого оттенка зеленого, который ему доводилось видеть в жизни. В глазах женщины застыл ужас. Закусив губу, женщина помотала головой, и прядь волос упала ей на лицо. Исайя отметил, что цвет ее волос теплый и согревающий.

– Доверьтесь, я вас не уроню. – Женщина все же колебалась. – Обещаю вам.

– Он сильнее, чем кажется, – вмешалась Абигейл.

В следующую секунду дама рухнула вниз, как ему показалось, не по собственному желанию.

Исайя обхватил ее и сцепил руки. Женщина тихо пискнула и посмотрела на него с удивлением.

– Видите? – восторженно произнесла Абигейл. – Намного сильнее.

– Позвольте поблагодарить вас, сэр.

Конечно, она не была легкой, как перышко, однако держать ее в объятиях было так приятно, что не хотелось отпускать. А следовало бы, ведь юбки ее задрались, представив на обозрение панталоны и дыру на чулке, из которой предательски высунулся длинный розовый палец.

– Что за... – слышался мужской голос.

Ах, это тот самый джентльмен, которого он видел выходящим из отеля.

– Немедленно отпустите мою кузину! Что вы себе позволяете?

Несомненно, ему так и следует поступить, и да, у этого мужчины есть причины для возмущения.

Поставив женщину на землю, Исайя понял, что она высокая, одного с ним роста, и глаза их находятся на одном уровне. Но на даме не было сапог, когда она их наденет, придется поднять глаза примерно на дюйм. Мысль его позабавила.

Большинство знакомых ему дам смотрели на него с опаской по причине его высокого роста и мрачного выражения, сохранявшегося на лице, порой против его воли. И сестра не права, он никогда не производил впечатление слабого физически.

– Не стоит быть столь агрессивным, Питер. – Улыбка дамы была такой лучезарной, что Исайе показалось – солнце вышло на мгновение из-за туч. – Все хорошо, я лишь пыталась достать кошку с дерева, но не удержалась и сорвалась. Этот добрый джентльмен, поймав меня, помог избежать падения с высоты.

Именно в этот момент Элоиза соизволила спуститься вниз по стволу дерева. Она направилась к Абигейл и принялась мурлыкать, виляя хвостом. Девочка взяла корзину.

– Глупышка, – вздохнула она и закрыла крышку, когда кошка забралась внутрь.

Во всем случившемся Исайя винил прежде всего себя. Перед отъездом из Скарсфелда следовало проверить содержимое корзины.

– Абигейл, разве я не велел тебе оставить кошку дома? – Конечно, разговор лучше вести наедине, но женщина могла пострадать, и сестра непременно должна извиниться. – Скажи мадам, что сожалеешь, не следовало втягивать леди в такую передрагу.

– О, не стоит беспокоиться. – Улыбка незнакомки почти потухла. – Я ведь не пострадала.

– Ваша одежда испорчена. Леди Абигейл, несомненно, найдет способ компенсировать вам потери.

Дама опустила глаза, покраснела и поспешила скрыть юбками прекрасный розовый палец.

– Это и есть ваш брат? – обратилась Фелиция к Абигейл и вскинула голову.

– Видите? Я сказала истинную правду.

– Я полагала, вы имеете в виду кого-то моложе. – Она опять перевела взгляд на Исая и стала серьезной. – Но я поняла вашу мысль.

Какую мысль?

– Принеси свои извинения, Абигейл, за то, что заставила мадам рисковать, и пойдем, надо спешить. И мадам, несомненно, хотела бы скорее укрыться в тепле.

Ведь она до сих пор стоит на земле в одних чулках. И еще этот палец... Надо немедленно перестать думать о нем. У него скоро свадьба, не пристало сейчас думать о порванном чулке незнакомой дамы.

– Я бы точно не возражал, – произнес кузен Питер и повел плечами, оглядывая хмурое небо. – Погода здесь не столь ласкова с нами по сравнению с Лондоном.

– Прошу простить, что вы пострадали, помогая мне, – заговорила Абигейл, определенно копируя брата. – А также простите строгий тон моего брата. Обычно он не позволяет быть таким суровым со мной или Элоизой.

Исайя едва сдержал возмущение. Он не сказал ей ни одного плохого слова.

– Разумеется, нет. – Женщина потянулась к сапожкам, но выпрямилась и посмотрела прямо ему в глаза: – Господи, как я вам благодарна за то, что вы

оказались рядом.

Обладай его невеста хоть половиной красоты этой дамы, он стал бы счастливейшим мужчиной. Конечно, внешность не была для него самым важным фактором, главное, чтобы женщина была мила и смогла убедить лорда и леди Пенфилд не забирать у него Абигейл.

Исайя присел, чтобы взять с земли шляпу, оказавшуюся прямо у каблука ее башмака, и получить наконец возможность прервать зрительный контакт с незнакомкой. Когда он смотрел в ее глаза, его грудь нестерпимо сдавливалось. В голове мелькали какие-то образы, но исчезли, прежде чем он смог их разглядеть.

Женщина потянулась к обуви в тот самый момент, когда он решил взять шляпу, и пальцы их рук соприкоснулись. Исайя был рад, что не снял перчатки и теперь не коснулся ее кожи, иначе давление в груди определенно стало бы сильнее.

Он смущенно отвел взгляд. Какой же он подлец. Необходимо думать о невесте и не позволять себе терять голову от чудесных глаз прекрасной незнакомки. Жизненная ситуация и без того непроста, лишние сложности ему сейчас ни к чему.

– Я сделала вам больно, сэр? – шепотом спросила женщина.

Ах, все дело в его хмуром взгляде. Долой мрачное выражение. Усилием воли Исайя растянул губы в улыбке.

– Я не хотела...

– Вы не причинили мне боли. Как сказала моя сестра, я сильнее, чем кажусь.

Уголки ее рта чуть приподнялись, в зеленых глазах мелькнули искры. Хорошо, что он сидел на корточках, иначе колени бы точно подогнулись.

– Вы совсем не кажетесь слабым.

Не следует узнавать ее имя, сейчас лучше попрощаться и отправиться за платьем для сестры. Чем меньше он узнает об этой женщине, тем лучше. В голове уже мелькнула тревожная мысль, что он будет пытаться представить ее лицо в самый неподходящий момент.

– Надо поспешить, иначе мы замерзнем, – вмешался в разговор кузен дамы.

– Погода прекрасная, Питер, просто тебе нужно изменить свое отношение к ней.

Колени их почти соприкоснулись, когда незнакомка потянулась за свертком, который, должно быть, отбросила, спеша на помощь Абигейл. Подобное положение было самым пикантным из тех, в которых он оказывался рядом с леди.

– Из-за тебя я превращусь в сосульку, Фелиция. Пойдем же, наконец.

Фелиция?

– Фелиция? – Шутка Всевышнего, не иначе.

– Да, Фелиция Пенниджонс. – Дама поднялась и бросила многозначительный взгляд на кузена.

Исайя вскочил на ноги, чувствуя невероятную легкость во всем теле.

– Я счастлив приветствовать... рад видеть... – Он взял ее руку и поклонился. – Я лорд Скарсфелд.

– Хорошо уже то, что он не похож на огра[1 - Огры – мифические великаны-людоеды. (Примеч. ред.)], – бормотала себе под нос Фелиция, пока собиралась на важный ужин с лордом Скарсфелдом, хотя чувствовала, что вполне готова называть его Исайей. – Но он такой же мрачный, как и на балу леди Ньютон.

Она была удивлена, что не узнала его сразу, когда свалилась вниз с дерева. Ее отвлекла неоднозначность ситуации, а точнее, его сильные руки, объятия, – все это так взволновало, что она поняла, кто перед ней, лишь после знакомства.

Осознав все окончательно, Фелиция смогла разглядеть жениха и признать, что перед ней весьма привлекательный мужчина, от его пронзительного взгляда ее сердце затрепетало. Заметил ли он, как дрожали ее пальцы, когда она надевала сапожки?

Фелиция закружилась перед зеркалом. Она действительно похожа на мятный леденец, жаль только, что об этом знает она одна. Кто-то хочет походить на тоненькую палочку из перечной мяты, а кто-то – казаться серьезным и здравомыслящим.

Фелиция резко остановилась, и юбка закрутилась вокруг ее ног. Интересно, насколько разумным поступком можно назвать свадьбу с человеком, который известен своим суровым и мрачным нравом?

Говоря с сестрой, он был резок и властен, но юную леди Абигейл это совсем не смутило. Она сказала все, что хотела, и брату, и Фелиции. Если лорд Скарсфелд действительно такой, как о нем говорят, – суровый, резкий, властный, – едва ли его общество будет ей по душе. Тут есть над чем призадуматься.

Взбив юбку и пригладив волосы, Фелиция решила, что непременно разберется во всем за ужином.

С Абигейл, впрочем, все ясно, девочку она полюбила, как только увидела. Этот ребенок будет расти в быстро меняющемся мире прогресса и непременно пойдет в ногу со временем. Вероятно, брат воспитывал ее один и, по мнению Фелиции, проделал превосходную работу.

В самом начале истории – с выбором невесты – она считала, что приносит себя в жертву ради счастья сестры. Сейчас же, глядя в эти серьезные, удивительного янтарного цвета глаза, совсем не чувствовала себя мученицей. Разве жизненный путь в обществе красивого мужчины можно назвать дорогой страданий? Ни один мученик не шел по ней, по крайней мере, ей об этом неизвестно.

Привычный стук кузена в дверь стал для нее знаком спускаться в столовую. Возможно, эта дрожь в пальцах совсем не от нервов, скорее, связана с желанием вновь увидеть красиво очерченные губы и прекрасные глаза, которые ее завораживали.

Все могло быть хуже. Намного хуже. Волнующий трепет – не самое ужасное, с чем можно столкнуться в подобной ситуации. К тому же, при всей готовности покориться судьбе, Фелиция оставила за собой право отказаться.

Прежде чем идти под венец, ей было важно выяснить причину столь спешной свадьбы.

Разумеется, у виконта тоже могут быть к ней вопросы. Например, почему она охотно согласилась на замужество?

Распахнув дверь комнаты, Фелиция увидела Питера. На лице его появилась легкая улыбка.

– Стараешься скрыть беспокойство, – заключила Фелиция, взяла кузена под руку и направилась к лестнице.

– Это всего лишь легкая озабоченность. Тебе предстоит совершить серьезный шаг. – Он остановился и взглянул в ее лицо. – Я не уверен, что вы подходите друг другу.

– Это еще предстоит выяснить, но уже сейчас понятно, что я подойду ему гораздо больше Джинни.

– Ты можешь отказаться, и мы прямо сейчас уедем домой.

– Мы поужинаем с виконтом, и потом я скажу тебе, хочу ли уехать.

– Что ж, хорошо.

– Да, Питер, я прошу тебя занять соседний столик. Мне надо задать виконту несколько личных вопросов, боюсь, твое присутствие может заставить его ответить не совсем откровенно. Вдруг он испугается, что получит от тебя в нос?

Питер тяжело перевел дыхание.

– Я твой опекун, мне приходится быть суровым.

– Но ты ведь можешь хотя бы сегодня выглядеть так, как подобает джентльмену?

– Хорошо, я согласен. Но знай, я рядом. Если понадобится, подними руку, и я сразу подойду.

Исайя был готов жениться на любой женщине, ведь все затеяно ради Абигейл. Окажись невеста чертополохом или розой, он дал себе слово не обращать на это внимания, если она согласится выйти за него.

Но сейчас, когда он встал поприветствовать мисс Пенниджонс – стройную и гибкую, словно ветка ивы, – приближающуюся к его столику под руку с кузеном, ему внезапно стало страшно до дрожи в коленях, что предстоит провести несколько часов в обществе незнакомки, согласившейся поужинать с человеком, которого сестра назвала угрюмым. И не просто поужинать, но и выйти замуж. Такой женщиной он мог только восхищаться.

Если она и чувствовала себя неловко оттого, что люди обращают на нее внимание, то хорошо это скрывала. Дама такого роста не могла остаться незамеченной. Фелиция Мэри Пенниджонс получала в избытке взглядов и внимания еще и благодаря наряду, ставшему олицетворением Рождества. На мгновение в зеленом платье, отделанном красными бусинками и белым бантом на талии, она показалась ему похожей на мятный леденец. Эхом пронеслись в голове звуки и запахи Рождества из детства. Исайя поспешил подавить воспоминания, пока не стало больно. Радость приближающегося праздника он не испытывал с семи лет, когда ушла мама. Без улыбки, без поцелуя, без слов прощания – она тихо и безвозвратно исчезла из его жизни.

– Благодарю, что вы пришли, мисс Пенниджонс, лорд Кливертон.

Он кивнул, и официант поспешил выдвинуть стул для него и для Фелиции. Питер же остановил официанта:

– Я бы предпочел занять стол у окна. Вид на озеро оттуда потрясающий.

Был или будет при свете дня. Сейчас же темная водная гладь не видна в темноте, лишь несколько огоньков мигают на противоположном берегу, лишь им удастся пробиться сквозь мрак и пелену дождя.

Исайя был рад, что третье место за их столом останется свободным. Он хотел лучше узнать Фелицию, а наедине проще вести беседу.

– Здесь очень мило. – Фелиция оглядела зал.

У этой женщины невероятная улыбка, не только красивая, но согревающая, от нее становилось теплее внутри.

– Я часто здесь бываю. Вкусная еда, а днем и отличный вид на озеро.

– Похоже, всем присутствующим здесь нравится.

– Еще очень уютно, когда разожжен камин.

Они оба испытывали неловкость в обществе друг друга, несколько минут такого разговора – и ситуация станет непоправимой. Некоторое время они молчали, каждый старался не смотреть на собеседника.

– Вам нравится? – наконец спросила Фелиция.

– О да. Мясо ягненка превосходно, как и вино. Могу я предложить немного и вам?

– Я говорю о дожде. Вам нравится? И да, от вина я не откажусь.

– Я бы назвал его неприятностью. – Исайя наполнил вином оба бокала. – Если я и люблю дождь, так лишь за то, что он рано или поздно заканчивается.

Он видел, что его ответ, странным образом, ее разочаровал, поэтому поспешил сменить тему:

– Сестра передает вам благодарность за спасение кошки.

К счастью, теперь Фелиция улыбнулась.

– Я очень давно не забиралась на дерево. Похоже, кошку совсем не требовалось спасать, ведь она сама благополучно спустилась на землю, когда пожелала.

– Элоиза действительно всегда поступает, как пожелает. Но она привыкла к сестре, а та к ней.

– Думаю, такая милая и умная девочка, как Абигейл, легко с этим мирится.

– Вы не поверите, но ей всего лишь восемь.

Разговор опять прервался, но на этот раз Исайя отчетливо почувствовал, что Фелиция хочет что-то сказать, но не знает, как начать.

– Спрашивайте без стеснения, мисс Пенниджонс.

– Да, что ж... я должна или нет? – Она сделала глоток вина. – Вы меня помните? Мне говорили, что вы с матушкой часто приезжали в Кливертон. И мы с сестрами видели вас на балу леди Ньютон три года назад.

– Откровенно говоря, не помню, чтобы мы встречались на балах.

– Я и не ожидала, разумеется. Это был наш с Джинни дебют. Такой джентльмен, как вы, наверняка был сосредоточен на более искушенных дамах.

– Могу я открыть вам секрет? – Исайя хотел улыбнуться, но боялся испугать собеседницу, как недавно мисс Ширлс. – На подобных мероприятиях я не обращаю внимания на дам и не ищу их общества. Сейчас вы сказали, и я вспомнил, что лицо ваше показалось мне смутно знакомым уже в тот момент, когда я помог вам спуститься с дерева. Значит, мы виделись на балу леди Ньютон.

– Да, меня обычно замечают. – Фелиция покраснела, внезапное признание смутило ее, а еще больше то, что ее душа при этом трепетала. Что же касается жениха, он, похоже, не испытывает никаких чувств. – Интересно, у вас сохранились воспоминания о посещении Кливертона? Вероятно, нет, вы ведь

были ребенком.

– Не привычные воспоминания, нет, но некие образы, обрывочные сцены того, как весело мы проводили время.

И вновь очаровательная улыбка. Исая напомнил себе, что не должен увлекаться ею. Он не собирается рисковать и что-то менять в жизни. Прошное дало понять, как это глупо.

– Приятно слышать. – Продолжая широко улыбаться, Фелиция сделала глоток. – Матушка часто вспоминала, как я ползала за вами и плакала, пока вы не взяли меня за руку и не принялись учить ходить.

– Похоже, я блестяще справился с задачей. Вы хорошо держитесь на ногах. Я бы хотел это помнить, по всей видимости, вы казались мне очаровательной.

Фелиция тихо рассмеялась.

– Как и все младенцы.

– Несмотря на то, что пытаются заполучить вас целиком, ваше время и вашу любовь.

Как приятно, что им стало легко друг с другом. Разговор течет плавно, без неловких пауз.

– Мисс Пенниджонс, я хотел бы кое в чем признаться, это необходимо.

– Прошу, говорите без обиняков. Я считаю, мы должны быть откровенны.

– Я понимаю, вы отказались от многого в Лондоне для того, чтобы приехать сюда. Поверьте, я не воспринимаю это как должное, а отношусь вполне серьезно. Вы оказываете мне честь, согласившись стать моей супругой.

– Да, но... я еще не дала официального согласия.

Неужели? Мысль о том, что она может отказать, привела Исаяю в ужас. Что ему сделать, чтобы этого не случилось?

– Как же мне помочь вам принять важное для меня решение? Если вы слышали обо мне нечто нелicenseприятное, уверяю вас...

– Я не верю сплетням, лорд Скарсфелд. У меня есть глаза, я вижу, что вы не чудовище. – Она махнула рукой, словно прогоняя надоевшую муху. Прядь волос выбилась из плена прически и упала на лицо, будто желала скрыть ее серьезный взгляд. – Я предпочитаю не доверять чужому мнению, а составлять собственное. Обещаю, на него не повлияет услышанное мною ранее.

Это уже кое-что. Давление в груди ослабло, дыхание выровнялось.

– Что же тогда? Как мне успокоить ваше сердце?

– Скорее, ум, а не сердце. Я бы хотела знать, по какой причине вы хотите так срочно обвенчаться?

Какая же необыкновенная женщина его невеста и, хочется верить, будущая супруга. Многие женщины даже не задумались бы об этом, их больше волновал размер поместья и годовой доход.

Исаяя медлил, несколько мгновений прислушивался к звону от ударов серебряных приборов о фарфор тарелок, приглушенным разговорам и стуку дождя за окном, размышляя, с чего начать. Будущее его и Абигейл зависит от того, сможет ли он представить их положение наиболее выгодным образом. Сидящую перед ним женщину определенно не устроит признание в том, что он устал и жаждет общества законной супруги. Или в том, что Скарсфелду необходима виконтесса, чтобы получить благосклонность общества. Подобные причины не подтолкнули бы его к столь скорому и важному шагу, и мисс Пенниджонс это понимает.

– Все ради Абигейл. Я должен жениться, чтобы получить хотя бы надежду, что она останется со мной.

– Могу я узнать, почему это так важно, милорд?

– Надеюсь, мое объяснение подтолкнет вас к принятию решения в мою пользу. – Он помолчал, постучал пальцами по столу и подался вперед. – Моя мать умерла сразу после рождения Абигейл. Последние годы я отдалился от нее, и мне в голову не могло прийти, что она в сорок лет... Впрочем, мне тогда было лишь двадцать два года... Среди ночи адвокат моего отчима принес ко мне новорожденную сестру. Ей было два дня от роду.

– Представляю, весть о кончине матушки повергла вас в шок.

– Это так. Но у меня была Абигейл, это казалось благословением свыше.

– Значит, вы хотите, чтобы я вышла за вас и помогла в воспитании сестры?

– Все несколько сложнее, мисс Пенниджонс. – Все звуки в зале отошли на второй план, теперь он слышал лишь дробь дождя за окном. – Дядя моей сестры, брат моего отчима, и его супруга решили, что ей будет лучше с ними в Лондоне. Причина моей спешной женитьбы в том, что они придут в гости на Рождество и хотят забрать к себе Абигейл. Я решил, что присутствие супруги в доме убедит их, что мы можем достойно воспитывать сестру.

Об этом не знала даже преданная мисс Ширлс.

Исайя считал, что мисс Пенниджонс должна знать истинное положение дел, прежде чем принять его предложение.

– Дядя и тетя Абигейл занимают довольно высокое положение в обществе. Как у виконта, у меня мало шансов в суде против графа Пенфилда. Я лишь надеюсь, что они передумают забирать Абигейл, увидев, что я женился и создал семью.

– Пенфилд?

– Вы с ним знакомы?

– Нет, но, как и любой житель Лондона, я слышала о графе и графине. Мы изредка встречались в свете, хотя сомневаюсь, что они меня узнают. Честно признаюсь, лорд Скарсфелд, мне жаль, что у вас возникли такие трудности. А как к этому относится Абигейл?

– Она ничего не знает. – Он провел рукой по подбородку, отметив, что после бритья кожа гладкая. – Не могу найти силы рассказать ей. Но я делаю для нее все, что могу, и ваше присутствие здесь тому доказательство.

– Я очень близко к сердцу приняла услышанное.

– Теперь я полагаюсь лишь на вашу милость, – тихо произнес Исая.

Внезапно он осознал, что дробь дождя уже не слышна, значит, пошел снег. Вот незадача, а он надеялся успеть добраться до дома, прежде чем начнется снегопад.

– Отвратительный снег, – пробормотал он. Остается надеяться, что в отеле найдется пара свободных комнат. Сейчас совсем не стоит заставлять лошадей тащить карету по скользкой дороге.

– Надеюсь, вы не серьезно. Мы можем выйти на улицу, чтобы посмотреть, как он падает? – Мисс Пенниджонс поднялась. На лице ее было такое нетерпение, что он бы не удивился, запрыгав она сейчас от предвкушения.

Исая сделал знак официанту принести пальто. Как он может отказать в простой просьбе, когда вверяет этой даме жизнь.

Когда они проходили мимо столика Питера, тот поднял глаза на кухню и улыбнулся.

– Наконец-то ты увидишь снег, Фелиция.

– Разве это не потрясающе? – произнесла она, глядя при этом на Исайю.

Судя по задорной улыбке, ее не волновало, что на улице они могут замерзнуть и промокнуть.

– Любовью к ненастной погоде вы похожи на Абигейл, – произнес он.

– Не важно, плохая погода или замечательная, все дело в нашем восприятии. Снегопад может казаться и ужасным, и прекрасным. Для меня определенно он

прекрасен.

Как и она сама. Исайя вел Фелицию во двор ресторана, в то место, откуда открывался великолепный вид на озеро, и думал только об этом.

К сожалению, крыша не позволяла падать снегу прямо на их лицо. Фелиции очень хотелось задрать голову и ощутить, как кусочки льда касаются щек, открыть рот и поймать несколько снежинок, попробовать на вкус.

Лорд Скарсфелд явно не разделял ее восторга от пребывания на улице, поэтому она сдерживала эмоции и радовалась нескольким хлопьям, случайно упавшим на протянутую ладонь.

Фелиция производила впечатление человека, вполне довольного происходящим, что, впрочем, было верно, но, наслаждаясь погодой, она одновременно обдумывала услышанное от виконта. Она была благодарна за то, что он не пытался угодить ей обещаниями вечной любви и счастливой жизни. За то, что был искренен и открыл свою тайну. Такому мужчине будет трудно отказать, если она примет решение отвергнуть его предложение.

– Вам не интересно, милорд, почему я решила исполнить волю наших матерей и приехала сюда? Мне кажется, вам стоит знать.

– Признаюсь, я не задумывался об этом. Меня переполняла радость оттого, что вы согласились, и благодарность, разумеется. Простите меня за это.

– Вы попали в непростую ситуацию и остались с ней один на один. Я прощаю вас, хотя это совершенно излишне.

Исайя втянул голову в плечи: вне помещения ему явно было некомфортно.

– Но почему приехали именно вы? Ведь вас три сестры, верно? Вы стали той единственной, у кого хватило смелости встретиться с чудищем?

– Дело вовсе не в смелости, по крайней мере, в моем случае. Я уже говорила, как отношусь к сплетням.

– Так в чем же причина?

– Вы были откровенны и рассказали мне правду, я отплачу вам тем же. – Вероятнее всего, ему не понравится, но тут уж ничего не поделать. – Моей старшей сестре Корнелии уже сделали предложение. А Джинни, младшая, девушка очень робкая и стеснительная. Вам бы стоило посмотреть, с каким лицом она восприняла новость, впрочем, пожалуй, это было бы лишним. И она, к сожалению, верит слухам. Таким образом, оставалась только я.

Фелиция пожала плечами так, будто понимала, что он наверняка разочарован высоким ростом и огненными волосами невесты. Мысль о том, что она будет рядом всю жизнь, должна его пугать. Единственный выход – предложить другое решение, и оно было.

– Полагаю, появление Джинни вместо меня порадовало бы вас больше. Она миниатюрна, мила и красива, как бутон розы, и...

Джинни была той невестой, которой можно гордиться, она же выглядела, как залежалый товар, который благородно спасли, достав с полки.

– Сейчас вы похожи на мятный леденец.

Фелиция не смогла разобрать, что значит эта улыбка, больше похожая на гримасу, поэтому не понимала, какой смысл он вкладывает в свои слова.

– Я могу только догадываться, хорошо это или плохо, по вашему мнению, но скажу, что мне ваши слова приятны. Но поймите, я приехала сюда не потому, что оказалась единственной, кто вам подходит. Во-первых, я человек традиционных взглядов, и воля родителей для меня важна. Во-вторых, как вы понимаете, у меня позади уже несколько сезонов, и я начала готовить себя к жизни старой девы.

– Выйдя за меня замуж, вы спасетесь от этой участи.

– Несомненно. Признаюсь, мне начинало казаться, что в этом нет ничего плохого, но, когда поступило ваше предложение, я сочла его шансом избежать незавидной судьбы.

– И вы решились? – Исайя вопросительно приподнял бровь и стал выглядеть моложе, невольно позволив чувствам отразиться на лице. – Избежать незавидной судьбы?

– Да... и нет. – Ее огорчило, что он выглядел раздосадованным и не скрывал этого. – У меня есть идея, как помочь вам оставить сестру в родном доме и не связывать себя узами брака.

С женщиной, с которой не пожелал даже танцевать.

– Но я делаю вам предложение, мисс Пенниджонс. Предлагаю вам свое имя и дом.

– В этом нет необходимости. Вернее, это можно устроить не на всю жизнь, а лишь на время Рождества, пока тетя и дядя Абигейл не откажутся от своих намерений.

– Но ведь они могут и не отказаться. Но даже если так... – Он покачал головой. – Рискую быть отвергнутым вами, я все равно не соглашусь на временный брак.

Не согласится? В груди разлилось тепло. Она дала ему возможность отказаться, хотя в глубине души совсем этого не желала.

– Я, как и вы, придерживаюсь традиционных взглядов. Брак не должен быть временным, не важно, заключен ли он по любви или расчету. Клятвы должны быть произнесены. Для меня они священны. Если вы примете мое предложение, я разделю с вами все, что у меня есть и будет. Что же касается наследника, то на этом я не смею настаивать. Выбор степени близости в нашем союзе я предоставляю вам.

Похоже, ее пылающие щеки сейчас ярче волос.

– Вы знаете, что я не могу обещать вам вечной любви, ведь мы только познакомились. – Исайя взял ее руку, и даже перчатка не помешала ему ощутить тепло ее ладони. – Но я могу обещать, что буду безмерно вам благодарен.

Он был безгранично честен с ней, на что Фелиция, признаться, не рассчитывала. До сего момента она позволяла себе надеяться лишь на то, что жених не будет ей отвратителен. При всей суровости, лорд Скарсфелд был человеком искренним и порядочным. Он прямо высказал все, что готов был предложить. Несмотря на то, что улыбка его выглядела натянутой, Фелиция пришла к выводу, что он скорее ей симпатичен, чем неприятен. Кроме того, она уже полюбила его сестру, и ее жизнь ей не безразлична.

– Вот еще что... – Исая смутился и полез в карман. – Я хочу показать вам это. Абигейл должна была помочь мне его выбрать, но вместо этого заставила вас лезть на дерево.

Ей не показалось? Уголки его рта приподнялись в милой улыбке? И улыбка была вполне искренней, хотелось бы чаще видеть лорда Скарсфелда в хорошем настроении. Она чувствовала, что тогда, сбросив маску угрюмого человека, он предстанет перед ней таким, каким является на самом деле.

– По правде говоря, я сама вызвалась помочь и забраться на дерево. Надеюсь, вы не...

Фелиция хотела просить его не быть слишком суровым к сестре из-за досадного инцидента, но застыла, когда Исая открыл маленькую бархатную коробочку. Внутри лежало самое красивое кольцо, которое ей доводилось видеть в жизни. Выгравированные тонкие линии, словно веточки зеленых елей, и россыпь бриллиантов, похожая на мерцающие снежинки. Даже человек, знавший ее всю жизнь, не смог бы сделать более удачный выбор.

Фелиция в восторге прижала ладонь ко рту и заморгала, чтобы сдержать слезы. Девушка, которая уже смирилась с тем, что будет до конца дней сидеть в кресле-качалке и вязать носки, была поистине ошеломлена происходящим. Предложение руки и сердца, да еще с таким чудесным кольцом, – она и мечтать не могла, что с ней произойдет такое.

– Если вам не нравится, мы можем вместе выбрать другое.

– Это самое красивое кольцо в мире. – Фелиция захлопнула крышку, боясь, что не сможет сдержаться и зарыдает, если будет разглядывать его хотя бы еще минуту.

– Но вы мне отказываете? – Исайя поспешил убрать коробочку обратно в карман. – Все в порядке, Фелиция, не беспокойтесь. Я знаю, что просил слишком много. Но все же не могу согласиться и на ваше предложение.

– Я сделала его лишь ради вас. И я вам не отказываю. – Она подняла руку, чтобы смахнуть слезу.

Исайя перехватил ее и крепко сжал.

– Это правда? Вы готовы выйти за меня? Не из-за того, что вас вынуждают обстоятельства?

– Я даю согласие гораздо охотнее, чем вы можете представить, если вы так желаете знать правду.

Фелиция освободила руку, ведь предательская слеза грозила упасть с кончика носа.

– Возможно, у нас будут проблемы, которых вы мечтали бы избежать, Фелиция, но я обещаю, что ради вас стану лучше, насколько смогу.

Помедлив лишь мгновение, он подался вперед и поцеловал кончик ее носа, удалив таким образом беспокоившую ее слезинку.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Огры – мифические великаны-людоеды. (Примеч. ред.)

Купить: https://tellnovel.com/ru/arens_kerol/nevesta-k-rozhdestvu

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)